

Быть внимательным — это трудней

Культура. — 1996. — 3/авг. — С. 12. Фото: А. Давыдов

ОТ СЕЗОНА К СЕЗОНУ

Виталий ВУЛЬФ

Ахматовская строка вспоминается, когда мы возвращались из Мелхова. В зале Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П.Чехова играли "Дядю Ваню". Спектакль поставил Сергей Десницкий, ныне работающий в театре "У Никитских ворот". Брать поначалу не собирался, потом подумал, что очень давно не был в Мелхове, и день августовский, жаркий, и мы вместе с другом, директором театра "Современник" Л.Эрманом, отправились за город. У него был свой интерес: Астрова — играет артист "Современника" Б.Дьяченко.

Прошло почти полвека с того дня, как в юности я сидел в театральном зале и смотрел на сцене старого МХАТа "Дядю Ваню" с Добронравовым в роли Войничко, потрясавшим зрительный зал. Великий артист играл трагедию человека, не находящего себе места в жизни. Его крик "пропала жизнь" мне слышался до сих пор. Смысл чеховской драмы сосредоточивался на этой роли, хотя навсегда запомнились Литовцева в роли Войничкой, Тарасова—Елена Андреевна, Янин—Вафля. Критика тех лет не считала спектакль большой удачей, а мне казалось, что лучшего "Дяди Вани" больше не увижу никогда. Все это вспоминалось, когда смотрел в августовский день "Дядю Ваню" в постановке С.Десницкого.

Игра была другой, совсем непохожей на спектакль в постановке

Михаила Николаевича Кедрова, но увиденное захватило с первых же реплик старой нины Марини и с первых же астровских слов. Режиссер сразу нашел верный тон, и матеря чеховской речью овладевая небольшим зрительным залом. Няню играет актриса МХАТа (ныне работающая в дорониинской труппе) Т.Махова. Долгая жизнь была прожитой ею во МХАТе. Актриса выходила когда-то в роли миссис Марчмонт в "Идеальном муже" Уайльда, камеристкой Алисой в "Мариин Стюарт", кухаркой в "Горьковские Мещане", Шалашиной в "Без вины виноватых", играла в "Дядюшкином сне" в "Трех толстяках". Роли были маленькими, но всегда выделялись. Прожив не самую ослепительную актерскую жизнь на сцене МХАТа, Т.Махова сегодня как бы берет реванш за прошлое.

В короткой сцене в начале пьесы проходят две темы, развиваемые Чеховым в "Дяде Ване": гибнущая красота, надвигающаяся старость, притупление чувств и острое ощущение вины, которое испытывает Астров, постоянно думая о стрелочнике, умершем на его операционном столе. Марини — Махсова и Астров — Дьяченко с самого начала настраивают зал и создают ту особую атмосферу, без которой нет и не может быть Чехова на сцене.

Дядю Ваню играет артист театра "У Никитских ворот" Ю.Голубцов. Как бы наследник Добронравовской традиции, он играет дядю Ваню близким к душевному краху, к душевной гибели.

В спектакле много неожиданностей: "старая галка мямь" в исполнении С.Зиминной, тоже работающей в дорониинской труппе,

оказалась далеко не старой и не глухой, а все время думоющей о природе своей привязанности к профессору. Соня — С.Карлухина, на первый взгляд, проста и одномерна, а финальный монолог о небе в алмазах производит не столько с надеждой, но на какую-то пустостороннюю встречу, но с такой безнадзорностью, которая заставляет думать, что Соня уже неспособна плакать. Душа ее выжжена. Трагическая тональность завоевывает зал. С чувством внутреннего достоинства проходят на наших глазах жизни Елены — Е.Кондратовой и Вафли — Б.Левинсона. Елена в спектакле — не хищница, как ее называет Астров, и не русалка, как думает с ней дядя Ваня, а порядочный человек, способный тонко мыслить, тонко чувствовать, любить и только внутренней свободой в ней нет, и в этом ее несчастье.

В интерьере музейной гостиной, посреди старинной мебели, подлинных чеховских вещей развилась острая драма, написанная сто лет назад. В спектакле есть и легкость, и загадочность, и глубина, и та поэзия, которую несут в себе актеры, собравшиеся сыграть, казалось бы, донельзя заигранную пьесу.

Поделившись своим мнением о постановке с одним известным критиком, вдруг наткнулся на равнодушный ответ: "Может, вам показалося — август, Мелхово? Может, это ваш настрой?". Новое в возможности создателей спектакля было очевидным.

Почему мы перестали быть внимательными, почему все время крутимсЯ вокруг одних и тех же имен? Только и слышишь о "звездах" и "тусовках", читаешь статьи злобных критиков, слышишь выносимые с завидной самоуверенностью приговоры ак-

терам, театрам, а искусство продолжает двигаться своим путем. И, как всегда, Россия богата талантами и скромными людьми, умеющими делать свое дело.

15 августа закрыл сорочковской сезон любимый мой "Современник", и двадцать минут продолжалась овация "Крутому маршруту", шестой год продолжающему вызывающе восторг переполненного зрительного зала. "Ревизор", "Три сестры", "Виндзорские навесчики", новый спектакль "Мы едем, едем, едем" играли в августовские дни, собирали привычные аншлаги и готовясь к предстоящему сезону. А первым новым театральным сезоном открыл театр имени Гоголя. Только-только успела Марина Райкина опубликовать свою статью "Возврат разврата и разворот возврата" и сообщить, что театр имени Гоголя возвращает непроданные 79,3 процента билетов, как на открытии сезона, на спектакле "Костюм для летнего отеля" по пьесе Уильямса, может быть, впервые за последние годы собрался полный зал. А вслед за "Костюмом" и комедии Шварцмана "Чужой ребенок" и Кесельринга "Мышька и старинные кружева" прошли при аншлагах.

Сколько горьких справедливых и несправедливых слов всплеснули на страницах газет разраженные критические голоса по поводу спектаклей Сергея Яшина. Прошло ровно десять лет с того памятного дня, как Яшин пришел на улицу Кавказская, в гиблое место, и никто не верил, что он сможет что-то сделать. А театр живет, о нем говорят, говорят, к нему пришел зритель, и надо было обладать немалым мужеством, чтобы работать, не замечая ударов, пинков, насмешек, и сделать свой театр

составной частью окружающего театрального мира.

От прошлого сезона остались "Тюковская дама" Петра Фоменко (не вызвавшая энтузиазма), и может быть, излишне длинный, но полезный и серьезный Чеховский фестиваль, созданный и вдохновленный Международной конфедерацией театральных союзов. Решающую в его организации роль сыграл Валерий Шадрич. А впереди — новый сезон, и в дождливой темноте будущей российской осени вряд ли театральная жизнь окажется на авансцене. Но театрам надо жить и преподносить сюрпризы публике, привыкшей к окаянству и отвыкшей от того, что называли когда-то театральными событиями.

Театр имени Маяковского открывает сезон премьерой, ее уже сыграли на гастролях в Прибалтике: это неизменная у нас пьеса Теннесси Уильямса "В баре Токийского отеля" с Ольгой Яковлевой и Эммануилом Виторганом. Спектакль ставил А.Шапиро.

Тень мрачного вдохновения лежала на лице Ольги Яковлевой, когда она играла "В баре Токийского отеля" в Таллине, и предвижу, что после премьеры в Москве театральные люди, выходя к Никитским воротам, к полюбовляющимся деревьям, будут долго обсуждать "этого странного Уильямса" и привычную в своей неправивности Ольгу Яковлеву с "ее надтреснутой нотой, манерностью и зыбкостью, тяющей трезизм" (слова Инны Соловьевой).

Это удивительно, что русским актрисам — Ольге Яковлевой, Светлане Брагарник, Татьяне Лавровой — так близок Уильямс, позволяющий сохранять ломкий рисунок ролей, ощущать импрессионную свободу и испыты-

вать в зрительный зал сияющую родившееся чувство, заражающие тех, кто способен их воспринять. Стоит ли говорить, как хочется увидеть спектакли, выписанные тонким режиссерским пером, надвигающиеся души, заставляющие задуматься о том, как выжить посреди бедности с его бесплодной погоней за выдуманной любовью, эксцентричными прочтениями классики, авангардистскими экспериментами. Не впервые наступила эпоха, когда пересматриваются ценности, строго судят классику, не делая скидок на ее всемирную славу, напротив когото отвергают, восхваляются собой посреди будущих политических трагедий и войн.

Кому-то трудно примириться с исчезновением привычного театрального уклада, кто-то, наоборот, почувствовал себя в "своем мире", где меняются порядки, нравы, дома, улицы.

Москва строится и восстанавливается, архитектурные шедевры прошлого, многокупольные церкви, дворняжки и купеческие особняки минувших эпох вдруг выступили на свет во всей своей яркой прелесть. Высятся купола вновь построенного храма Христа Спасителя. Лужков приводит в порядок город. Разрушение и создание соединились в одной упряжке. Театралы ни то же меняют своей уклад, перекарывая свою географическую карту. Ни Большую театр, ни МХАТ более не являются образцами сценического искусства. Вокруг теперь много новых имен. Один хочется сохранить в памяти: Меншиков, Рутберг, Маковецкий, Машков, Яковлева из "Современника", Дроздова, Певцов, Лазарев из Ленкома, Гуцин, Миронов, Безруков, Егоров из "Табакерки".

Других хочется забыть.

Жизнь несет на себе печать новизны. Но нового кинематографа почти не видно, "новый театр" близок к любительскому, новая драма почти не слышна, новая проза почти не пишется. Громкие имена молодого искусства еще не созрели для славы. "Звезды", "кумиры", "герои дня" сойдут с грядущая, не успев на него взобраться. Происходит разминка для будущего, то, что создается, — преждевременно умирает, не успев родиться, и это никак не огорчает. Потому что жизнь напоминает "Бог времени" в никуда. Природный консерватизм убеждает, что надо поддерживать то, что устойчиво, что сохраняя секреты мастерства, утрачиваемые, как секреты старинной живописи, по сей день не потерявшей своей светлотной свежести. Новое поколение, пришедшее в театр, стремится к ассоциативной сложности и оттого доходит на практике до примитивной, почти кухонной простоты. И это нравится потому что разрушение и недоступность всегда влекут к себе.

Я жду нового театрального сезона, потому что в прошлом сезоне проглотил. Так хочется понять, что сегодня ищут на театре Сергей Женвач и Михаил Леонин, что тревожит Каму Гинкас, к сожалению, мало работающую в Москве, как сложится судьба Вахтанговского театра с его географической картой. Ни Большую театр, ни МХАТ более не являются образцами сценического искусства. Вокруг теперь много новых имен. Один хочется сохранить в памяти: Меншиков, Рутберг, Маковецкий, Машков, Яковлева из "Современника", Дроздова, Певцов, Лазарев из Ленкома, Гуцин, Миронов, Безруков, Егоров из "Табакерки".

Вечная транжирка наблюдательности необходима на театре, особенно тем, кто ценит и любит его. Впереди два "Трехгрошовые оперы", одна — в "Сатирикон" с

несомненным К.Райкиным, другая в Театре сатиры с Юрием Васильевым. Режиссеры — Машков и Райкин, Плунеч — "Сатири", все предвещает великую разницу, определяются ли расчеты — покажет будущее.

МХАТ имени Чехова представляет "Преступление и наказание" в режиссуре В.Сергачева, МХАТ имени Горького — горьковских "Зыбков" с Дорониной в роли Софьи. Борис Морозов ставит Островского, первая его премьера в новом сезоне в Театре Ростовской армии — "Сердце не камень". "Современник" готовится к "Месью в деревне" в адаптации Романа Виктора, а его режиссер — с Наволой в роли Натальи Петровны. Волчек вновь собираются ставить "Вишневый сад", Захаров в Ленкоме работает над "Мтроском" по Достоевскому. Малый театр репетирует "Чайку" с Ириной Муравьевой в роли Аркадиной. Классика оказывается постоянной величиной, она живет в недрах вечно изменяющейся театральной жизни, только меняет свое прочтение. Будущий сезон моделируется в конце лета и ранней осенью.

Если у художников бывают какие-то особые цветные периоды, как, например, у Глинка розовый или голубой, то в театре сейчас — "период тумана", рассеивает он в начале сезона. Театр ведь не может жить сам по себе, а только в связи с окружающим миром. Реальное дело требует упорядоченного труда, конфликты стелерут его на каждом шагу. Критика виновата сама, что ее мнение перестало быть духовной опорой для театральной жизни, требующей пристального внимания.

Театр — это вечное сравнение, и актеры, как никто другой, нуждаются прежде всего в одобрении и поддержке. Особенно теперь, когда авторитетов становится меньше, а решительное отрицание всего, что имело хоть какую-нибудь связь с допресторонним миром, стало модной дрянью. Только кажется мне, что мода эта идет к концу.